

Н. Н. Козлова

**ЖЕНЩИНА В ПОЛИТИКЕ: ОБРАЗ МАРФЫ БОРЕЦКОЙ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ «МАРФА-ПОСАДНИЦА»**

Н. М. КАРАМЗИНА

Женщины во все времена и во всех землях жили
более для семейного счастья, нежели для славы.

Н. М. Карамзин

Гендерный анализ традиционной и современной политической систем выявляет различную степень участия женщин в политическом процессе. Гендерная модернизация общественно-политических систем, развернувшаяся в Северной Америке и Европе с конца XVIII в. и в ряде стран мира продолжающаяся до сих пор, встречала и встречает интеллектуальное сопротивление политической идеологии консерватизма. Консерватизм предполагает сохранение основных принципов функционирования традиционных политических систем, в том числе ограничение политической активности женщин.

В политической науке существует артикулированное мнение, что к базовым идеям консерватизма относятся ценность сильной государственной власти, церкви, семьи, нерушимость социального порядка [17, с. 139—141]. Помещая женщин в приватную сферу, консерватизм демонстрировал широкий спектр отношения к женщинам — от восхваления их добродетелей до мизогинии. Гендерный анализ показывает, что политическое общение в традиционном обществе имеет гомосоциальную природу, являясь общением «государственных мужей», а формирование диалогического (политического) пространства происходит посредством исключения женщин [24, с. 109]. Женщины, которые время от времени попадали в орбиту исторических событий, имеющих политическое значение, стимулировали исследовательский интерес политических мыслителей. «Женский случай в политике» помогал лучше понять универсальные правила политического порядка.

Данная статья посвящена гендерному анализу исторической повести «Марфа-посадница» одного из представителей российского консерватизма — Н. М. Карамзина, раскрывшего принципы своего государственно-охранительного мировоззрения в написанной в 1811 г. «Записке о древней и новой России» [29, с. 440—447; 9, с. 141; 15, с. 122; 20, с. 230—278]. Творческое наследие Карамзина настолько значительно, что справедливым выглядит замечание А. С. Пушкина: «У нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина» [19, с. 49]. Его считают и писателем, и журналистом, и историком, и даже философом [16, с. 3; 28, с. 39]. Женская тема пронизывает все его творчество. Карамзин емко выражает позиции биологического эссенциализма, ко-

гда пишет, что «не одно воспитание определяет скромную жизнь их [женщин]: сама природа хотела того, дав им нежное сердце, чувствительные нервы, робость, стыдливость и болезни. Мы видим цель ее: кому-нибудь надлежало поручить воспитание и хранение младенцев» [6, с. 227]. Карамзин, представляющий в русской литературе сентиментализм, создал яркие женские образы Лизы, Юлии, Раисы и др. И. Л. Савкина пишет, что «гендерный аспект активно использовался Карамзиным в его борьбе за новый литературный язык и новую литературу» [21, с. 13—20]. Как активный поборник идеологии Просвещения Карамзин стремился расширить горизонты женского образования, переводя на русский язык повести и романы французских писательниц м-м Жанлис, де Сталь [18, с. 7, 17] и создавая собственные произведения для женщин. Признавая основой познания ощущения, Карамзин желал развивать в женщинах сентиментальность как основу добродетели. На страницах издаваемых им журналов женщины представлены как натуры чувствующие, страстные, жаждущие любви, при этом, по замечанию П. Н. Беркова и Г. П. Макогоненко, с трагичной судьбой [2, с. 18]. Как идеалист, рыцарь масонской ложи Карамзин-Рамзей нашел в женщинах свою аудиторию.

В своих первых работах Карамзин четко разводит гендерные и политические дискурсы, посвящая прекрасному полу эстетические, лишенные властного подтекста и пропитанные духом поклонения произведения, в частности «Послание к женщинам». Первым исключением из принципа несовместимости гендерных и политических описаний становится анализ Карамзиным правления российских императриц XVIII в., к примеру Екатерины Великой, которой автор посвящает свое «Историческое похвальное слово Екатерине II». Вторым исключением становится «женщина без трона» Марфа Борецкая, которая пришла в политику, выражаясь словами М. Вебера, по случаю [3, с. 652].

Историческая повесть «Марфа-посадница» была создана Карамзиным в 1802—1803 гг., которые исследователи относят к этапу его политического творчества [12, с. 24—25; 13, с. 257]. Покинув масонское сообщество, осудив Французскую революцию после установления якобинской диктатуры, разочаровавшись в политике Павла I, Карамзин в начале царствования молодого императора Александра Павловича стал издавать новый литературно-политический журнал «Вестник Европы» (его высоко оценил даже не любивший «притворной чувствительности» произведений Карамзина В. Г. Белинский [1, с. 135]), на страницах которого читатели и познакомились с персоной Марфы Борецкой [4, № 1, 2, 3]. Н. Я. Эйдельман считает, что, создавая исторические повести, в том числе и «Марфу-посадницу», Карамзин находился «в поисках лучшей формы завоевания минувшего» и подступал, таким образом, к своей основной профессии придворного историка [27, с. 43].

На мой взгляд, Карамзин не случайно выбрал жанр исторической повести для изложения непростой судьбы новгородской гражданки: он позволяет сочетать исторические факты с литературным творчеством. Многие исследователи отмечают различия в описании сопротивления Новгорода присоединению к Москве на страницах «Истории государства Российского» и повести «Марфа-посадница» [13, с. 281; 10, с. 217]. Действительно, в историческом труде Марфа Борецкая показана автором как изменница, ведущая переговоры с Литвой [7,

с. 437—462]. В. Н. Топоров считает, что для Карамзина принципиально важно было сохранить верность духу истории, который обнаруживает себя в подлинности языка, стиля, нравственных оценок [22, с. 31]. Однако следует отметить модернизацию образа Марфы: она «слишком учена для своего пола и своего времени», что отмечали даже современники Карамзина [23, с. 83]. П. А. Орлов полагает, что отход от исторических фактов был необходим Карамзину для поэтизации республиканских добродетелей и свидетельствовал о том, что республиканский идеал еще не утратил для русского консерватора своей привлекательности [13, с. 280]. Е. И. Осетров замечает, что от «Марфы-посадницы» дорога ведет «к прозе декабристов, охотно обращавшихся к исторической тематике для выражения современных им тираноборческих настроений и вольнолюбивых идеалов» [14, с. 137].

С точки зрения Г. А. Гуковского, фантазия и воображение Карамзина, его приверженность к классическим образцам сделали его новгородских героев античными героями со всеми вытекающими характеристиками [5, с. 79]. П. Н. Берков и Г. П. Макогоненко комментируют повесть о Марфе как своеобразную «параллель классицизму трагедий М.-Ж. Шенье, картин Давида, с той разницей, что у русского писателя античная пластичность служила не целям революции, а воспитанию его дворянских соотечественников» [2, с. 51]. Некоторый отход от сентиментализма, обращение к неоклассическим образцам в данном произведении, по мнению Ю. Ф. Флоринской, были вызваны тем, что «в центре внимания не внутренний мир человека, а проблемы государственного масштаба: что лучше — республика или монархия» [26, с. 299].

События исторической повести «Марфа-посадница» относят нас к 1485 г. — первым попыткам централизации русских земель московскими князьями; произведение посвящено теме присоединения Новгорода к Москве. На мой взгляд, основная проблема, которую пытался решить Карамзин, — это примирение двух консервативных ценностей: самодержавия московских князей, с одной стороны, и традиции вольности Новгорода — с другой. Осуждая феодальную раздробленность, автор показывает мудрость московского государя: «Мудрый Иоанн должен был для славы и силы отечества присоединить область Новгородскую к своей державе: хвала ему» [8, с. 680]. На этом фоне он демонстрирует историческую обреченность Новгорода, которую он воплотил в образе Марфы Борецкой. Ю. М. Лотман так пишет по этому поводу: «Попытки реализовать химеру теоретиков могут прикрывать или благородство трагически обреченных мечтателей, или своекорыстный эгоизм честолюбцев — и тем и другим противостоит осторожная мудрость государственных практиков. Таков конфликт между благородной носительницей идеалов новгородской свободы, “Катоном своей республики” Марфой, идеалов, уже преданных и обреченных на гибель падением нравов и эгоизмом новгородцев, и суровым орудием государственной пользы Иоанном в повести “Марфа-посадница”» [12, с. 275—276].

С моей точки зрения, Карамзин не случайно выбрал из всех драматических событий присоединения русских земель к Москве именно новгородский, а не тверской, не рязанский или какой-либо другой сюжет. Впервые в русской истории борьбу целой территории за независимость возглавила женщина. Ка-

Карамзин всячески подчеркивает самобытность данной ситуации, т. к. политическая власть принадлежит мужчинам: «Однако же природа любит иногда чрезвычайности, отходит от своего обыкновенного закона и дает женщинам характеры, которые выводят их из домашней неизвестности на театр народный <...> Марфа-посадница была чрезвычайная, редкая женщина, умев присвоить себе власть над гражданами в такой республике, где женщин только любили, но не слушались» [6, с. 227]. Описывая свой образ жизни до столкновения Новгорода с Москвой, Марфа рассказывает детям: «...было время <...> когда мать ваша жила единственно для супруга и семейства в тишине дома своего <...> не знала ни вольности, ни рабства, не знала, повинуюсь сладкому закону любви, что есть другие законы в свете, от которых зависит счастье и бедствие людей» (с. 703). Случай Марфы-посадницы демонстрирует факт присутствия в публичной сфере такого маргинального с точки зрения политики слоя населения, как женщины. Карамзин в принципе осуждает желание Борецкой заниматься политикой: «И летописи и старинные песни отдают справедливость великому уму Марфы Борецкой, сей чудной женщины, которая умела овладеть народом и хотела (весьма некстати!) быть Катонем своей республики» (с. 681). Однако историческая реальность, воссозданная Карамзиным, была такова, что, помимо Марфы, не находится граждан, желающих и способных организовать выступление против притязаний Иоанна. Отсутствие сильных мужчин-воинов, которое и привело Марфу к нестандартному решению стать посадницей, также показывает историческую обреченность Новгорода. Карамзин повествует, что на время сопротивления Москве был избран посадником старец Феодосий, «но он мог служить отечеству только усердными обетами чистой души своей» (с. 719). Единственный достойный кандидат, способный возглавить вооруженное сопротивление Иоанну, Михаил Храбрый, находился в типичной для Средневековья клановой вражде с семьей Борецких, что не позволило Марфе примириться с ним и использовать его военный ресурс. Поскольку Марфа в силу своего пола не могла возглавить воинство, она назначила юношу Милослава главой новгородского войска. В этом автор видит одну из многочисленных политических ошибок, совершенных Марфой, ее недальновидность как политика. «Только страстную, пылкую, умную, а не великую и не добродетельную женщину» видел в Марфе, по словам Карамзина, летописец (с. 681). Последний отмечает ее «тайное побуждение», «фанатизм», мешающие Марфе стать достойным политиком. Собственно, единственным мудрым общественным деятелем в повести выступает московский князь Иоанн, который, по словам Карамзина, «все предвидит и, зная, что разделение государства было виною бедствий его <...> уже соединил все княжества под своею державою и признан властелином земли русской» (с. 685). Поэтому позволю себе выразить несогласие с П. Н. Берковым и Г. П. Макогоненко относительно того, что симпатии Карамзина на стороне Марфы [2, с. 52]. Марфа, не понимая тенденции централизации политической системы для борьбы с монголо-татарами, требует от новгородцев неразумных действий сопротивления Москве и даже не видит «знаков» грядущего поражения (падение башни с вечевым колоколом накануне битвы) (с. 682). Тем не менее Карамзин называет ее «величавой женой», «мудрой», «великодушной», «смелой», описывает ее тихий, важный и скорбный облик. Анализируя

образ Марфы у Карамзина, филологи находят в ней черты и древней римлянки, и всеильной матери-вдовы из народного эпоса, и персонажей французских авторов Шенье, Давида, Летьера, и героев Шекспира, и современников Карамзина, отстаивающих свои права во время Великой Французской революции [26, с. 305—308; 10, с. 215—216; 11, с. 167—168; 25, с. 109—112]. На мой взгляд, очевидно одно: Карамзина привлекали люди с характером и в Марфе он воплотил образ сильной женщины, которой, несомненно, сочувствовал.

В повести сходятся две правды, два порядка, две политические системы, имеющие гендерный подтекст, — Московская и Новгородская. Московская правда славит самодержавие: «Народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной» (с. 683). Она воплощает в себе власть отцовскую, которая не потерпит «отделение старшего сына Новгорода от братии» (там же). Московская правда видит в действиях Новгорода не только нарушение традиций единой государственной власти, заложенной Рюриковичами, но и признаки государственной измены, мятежа, посягательства на исконно законную власть.

Правда новгородская славит вольность и честь. Марфа отстаивает эту правду, обличая на народном собрании «клевету» и «властолюбие» московского князя, его корысть и зависть к благополучной судьбе, богатствам Новгорода, не пострадавшего от монголо-татарского ига. Она презрительно отмечает падение других русских княжеств «на колена пред гордым ханом <...> для спасения поносной жизни» (с. 688—690).

Автор выстраивает два типа политического устройства: Московское царство, основанное на единовластии, и Новгородскую республику, разделяющую военную власть в лице князя и гражданскую власть в институте вече. Марфа отвечает князю, что «Новгород признавал в князьях своих единственно полководцев и военачальников; народ избирал власти гражданские и, повинаясь им, повиновался уставу воли своей» (с. 688). Такое разделение на военную и гражданскую власть делало в мирное время присутствие князя необязательным. Однако война показала неэффективность сложившейся в Новгороде политической системы. Отсутствие в нем военачальника во время противостояния Москве являлось одной из причин поражения Новгорода. Глава новгородского воинства, неопытный юноша Мирослав, гибнет в первой же схватке с войском Иоанна.

Карамзин раскрывает политические статусы подданства и гражданства. «Одни сражались за честь, другие за честь и вольность» — так он определяет основные ценности московской и новгородской партий (с. 713). В тексте понятие «гражданин» чаще всего используется при описании народного собрания в качестве обращения к собравшимся в центре Новгорода мужчинам, способным держать оружие. Статус гражданства воплощает свободу, вольность и характерен для Новгородской республики. После поражения новгородцы признают статус подданства в следующих словах: «Отныне воля самовластителя будет для нас единственным законом», «...твори, что угодно владыке самодержавному!» (с. 723). Марфа Борецкая является единственной персоной, которая до конца отстаивает историческую правду и политическую модель Новгорода. Перед казнью она говорит: «Если любовь к свободе есть преступление для

гражданки вольного отечества, то я не буду оправдываться <...> я все принесла в жертву свободе моего народа <...> Подданные Иоанна! Умираю гражданкою новгородскою» (с. 727).

Как и в других произведениях Карамзина, в нарративной структуре «Марфы-посадницы» важную роль играют мотивировки и психологические тонкости [22, с. 190]. Поскольку женщины в Новгородской республике не могли участвовать в народном собрании, то первой задачей своего выступления Марфа видит обоснование легитимности собственного поведения. «Сердце мое любит славу отечества и благо сограждан <...> Жена дерзает говорить на вече, но предки мои были друзья Вадимовы (Вадим Храбрый — герой Новгорода, выступивший против Рюрика. — *Н. К.*), я родилась в стане воинском под звуком оружия, отец, супруг мой погибли, сражаясь за Новгород. Вот право мое быть защитницею вольности! Оно куплено ценою моего счастья», — говорит Марфа (с. 687). Патриотизм, кровь предков, место рождения и, наконец, статус вдовы, за которую некому постоять, — таковы причины нарушения Марфой гендерного политического порядка. Однако главным фактором, побудившим ее выступить в качестве политического лидера, являлась супружеская клятва, данная ею мужу перед его смертью. «С моею смертью умолкнет голос Борецких на вече, где он издревле славил вольность и восплял любовь к отечеству <...> Клянись заменить Исаака Борецкого в народных советах, когда его не будет на свете!» — так супруг Марфы требовал от нее отказаться от традиционного для женщины образа жизни (с. 703). Муж апеллировал к ее честолюбию, ссылаясь на жен тех князей, которые мстили врагам после их смерти, и требовал, чтобы она превзошла их. Об этой клятве Марфа так рассказывает своим детям: «Что ж действует в душе моей?.. Одна любовь <...> к отцу вашему, сему герою добродетели, который жил и дышал отечеством!» (с. 703—704). После открытия читателю клятвы посадницы умирающему супругу становится понятным отмечаемый летописцем «фанатизм» Марфы. Ее политическая деятельность выступает следствием выполнения ею социальной роли жены. Марфа регулярно приходит на могилу своего супруга Исаака Борецкого разговаривать с его тенью, отчитываться в совершенных делах. Принимая нового главу новгородского воинства Мирослава в свою семью в качестве зятя (мужа дочери Ксении), она представляет ему образ Исаака Борецкого как идеал. «Желай только сравняться с отцом ее», — наставляет она молодого человека (с. 704).

Марфа рассказывает детям о преобращении своего сознания, о своем становлении истинной патриоткой Новгорода. «Некогда робкая, боязливая <...> с смелою твердостью председатель теперь в совете старейшин, является на лобном месте среди народа многочисленного, велит умолкнуть тысячам, говорит на вече, волнует народ, как море, требует войны и кровопролития» — так повествует о себе Марфа (там же). Раскрывая собственные характерные черты, Марфа противопоставляет мужские и женские качества: «Гордость, славлюбие, героическая добродетель есть свойство великого мужа: жена слабая бывает сильна одною любовью...» (там же). Таким образом, самостоятельность в вопросах политики, по Карамзину, не может быть свойственна женщинам. Сила чувств — единственный источник, который питает присутствие Марфы в публичной

жизни Новгородской республики. По глубине патриотизм Марфы соответствует всем канонам древности. «Если Новуграду должно погибнуть, то могу ли думать о жизни своей? — вопрошала Марфа пустынника. — Для меня драгоценнее в свете: вольность и Ксения» (с. 697).

Необходимость введения в повествование дочери Марфы Ксении рассматривается исследователями с точки зрения усиления элементов сентиментализма [13, с. 283]. На мой взгляд, любовь Ксении и Мирослава уходит на второй план по сравнению со связью матери и дочери. Судьбу Ксении автор раскрывает для того, чтобы подчеркнуть некоторые грани характера Марфы-посадницы. Во-первых, Карамзин показывает, как Марфа жертвует Ксенией, выдавая ее замуж за главу новгородского воинства Мирослава. Ксения практически сразу стала вдовой, и «брачное пение соединилось для нее с гимнами смерти» (с. 716). Жертвенность Марфы роднит ее с Богородицей. Во-вторых, Карамзин демонстрирует своего рода матриархальные связи между матерью и дочерью. «Любить мать и свято исполнять ее волю <...> было единственной потребностью сей кроткой души», — пишет Карамзин о дочери, которая безропотно разделила с матерью ее судьбу (с. 701). В отличие от других жен новгородских, которые не могли удержать слез после первого поражения, «Ксения уже не плакала и с твердостью сказала матери: “Отныне ты будешь моим примером!”» (с. 711). В-третьих, на примере судьбы Ксении Карамзин еще раз показывает единственный женский путь в политику, аналогичный тому, которому следовала Марфа. Вначале юная Ксения сидела «под окном своего девического терема, с любопытством смотрела на движения народные: они казались чуждыми ее спокойному, кроткому сердцу» (с. 700). Но уже во время битвы Ксения не уступает матери в знаках наружного спокойствия. «Твердостью и великодушием она была славянка!..» — так в ее качествах автор проявил национальный характер (с. 701). Карамзин сообщает, что Ксения «ходила с матерью даже в совет верховный» (с. 701).

По мере приближения к развязке сюжета автор придает Марфе все больше черт Богородицы — заступницы, покровительницы. Он изображает Марфу, окруженную символами изобилия и дарами земными: «многочисленные слуги носили за нею корзины с хлебами», а она раздавала их голодающим во время осады новгородцам (с. 701). Карамзин показывает внутреннюю борьбу Марфы со своими страданиями и ее упорство. В то время, когда народ начал голодать и роптать, одна Марфа осталась «тверда душою, деятельна в совете, словоохотна на Великой площади среди граждан и весела с домашними» (с. 701). Несмотря на воинственный, агрессивный стиль поведения, Марфа не становится менее женственной. В день решающей битвы «новгородцы составляли одно семейство: Марфа была его матерью», была «любима народом своим», «хотела казаться равною со всеми и казалась царицею» (с. 706). Многие сами упали на колени перед Марфой, называли ее матерью новгородскою (с. 722). Она вдохновляла народ и во время битвы: стояла на стене, держала в руке хоругвь отечества; иногда, видя отступление новгородцев, она грозно восклицала и махом святой хоругви обращала воинов в битву. «Имя вольности и Марфы бывало также радостным кликом победителей (ибо вольность и Марфа одно знаменовали в великом граде)», — признает Карамзин (с. 717). После поражения

Марфа из грозной становится смиренной, но не сдаётся: она затворяется в доме Борецких, занимается рукоделием и ждет решения своей участи.

В последнем слове дочери Марфа подводит итоги своей политической деятельности: «Я все принесла в жертву свободе моего народа: самую чувствительность женского сердца <...> самую нежность матери...» (с. 725). Она считает, что исполнила клятву перед мужем: «...князь московский считает меня достойною погибнуть вместе с вольностью новгородскою» (с. 724). Казнь Марфы является логичным заключением ее земного женского пути. Не имея возможности погибнуть в битве как мужчина-воин, Марфа умирает на эшафоте как равная мужчинам.

Смерть Марфы означала установление нового политического порядка, имеющего гендерный контекст: царство матери сменилось царством отца. «Да узнает народ, что Иоанн желает быть отцом его <...> отныне вся земля русская будет вашим любезным отечеством, а государь великий — отцом и главою <...> Не вольность, часто гибельная, но благоустройство, правосудие и безопасность суть три столпа гражданского счастья: Иоанн обещает их вам пред лицом Бога всемогущего...» — говорит князь Холмский (с. 727). Самодержавие как царство отца утверждает новую политическую систему. Карамзин показал, что Марфа проиграла как политик. Налицо одна из причин ее проигрыша — ограниченность властных ресурсов: Марфа не могла представлять политическую власть в силу своего пола. Марфа, как женщина, не имела в Новгороде ни гражданской, ни военной власти. Она обладала авторитетом и была духовным вдохновителем борьбы за независимость. Именно поэтому Карамзин так ярко прописал достоинства Марфы: величавость, великодушие, жертвенность, упорство, патриотизм, умение владеть словом, необходимые для завоевания доверия новгородских граждан.

Марфа была политиком неопытным: публичный мир открылся ей только тогда, когда она стала взрослой женщиной. Марфа — политик по необходимости. Война как общая судьба для всех жителей Новгорода явилась тем чрезвычайным условием, при котором стало возможным вхождение женщины в сферу политической власти. На мой взгляд, клятва мужу — ключевой фактор в формировании гражданского самосознания известной новгородской жены. Данный супругу обет потребовал от Марфы отказа от частных ценностей, мобилизации духовных сил, которые необходимы ей для становления в качестве духовного лидера и символа вольности Новгорода. Иначе говоря, Карамзин описывает Марфу как чрезвычайно примерную жену, готовую выполнить любую волю мужа, даже нетипичную для русской женщины этого времени роль политика. Но обреченность публичной миссии Марфы вытекает из ее статуса как жены: она должна разделить судьбу супруга, погибнуть за Отечество. Придание действиям Марфы частно-семейной мотивации принижает ее самостоятельность как политика, обесценивает ее подвиг, но в то же время облегчает ее восприятие как политика: она не вышла-таки из традиционной женской роли. Более того, Карамзин усиливает женственные черты Марфы качествами Богородицы и фиксирует создание в Новгороде в период сопротивления матриархального сообщества во главе с Марфой. Поражение власти матери Новгорода,

Марфы — показатель крушения старого политического порядка и проявление эффективности нового, отцовского, самодержавного порядка.

Таким образом, гендерное насыщение политического процесса через личность Марфы было необходимо Карамзину для демонстрации силы и величия складывающегося самодержавия, необходимость которого автор отстаивал и в дальнейших трудах. Согласно консервативному мировоззрению Карамзина женщины-вдовы выступают жертвами своей любви к мужьям и Отечеству, жертвами трагического фатализма патриархального гендерного порядка.

Библиографический список

1. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1953. Т. 7. 735 с.
2. *Берков П., Макогоненко Г.* Жизнь и творчество Н. М. Карамзина // Карамзин Н. М. Избр. произведения : в 2 т. М. ; Л. : Худож. лит., 1964. Т. 1. С. 5—78.
3. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Избр. произведения. М. : Прогресс, 1990. 804 с.
4. Вестник Европы. 1803. Ч. 7.
5. *Гуковский Г. А.* Карамзин // История русской литературы : в 10 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. Т. 5. С. 55—105.
6. *Карамзин Н. М.* Известие о Марфе-посаднице, взятое из жития св. Зосимы // Избр. произведения. Т. 2. С. 227—231.
7. *Карамзин Н. М.* История государства Российского : в 4 кн. Ростов н/Д : Феникс, 1994. Кн. 2, т. 4—6. 608 с.
8. *Карамзин Н. М.* Марфа-посадница, или Покорение Новагорода // Избр. произведения. Т. 1. С. 680—728. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием страницы.
9. *Кислягина Л. Г.* Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина (1785—1803 гг.) / под ред. И. А. Федосова. М. : Изд-во МГУ, 1976. 197 с.
10. *Крестова Л. В.* Древнерусская повесть как один из источников повестей Н. М. Карамзина «Райская птичка», «Остров Борнгольм», «Марфа-посадница» // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 193—227.
11. *Кулакова Л. И.* Эстетические взгляды Карамзина // Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М. ; Л. : Наука, 1964. С. 146—175.
12. *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина ; Статьи и исследования, 1957—1990 ; Заметки и рецензии. СПб. : Искусство, 1997. 832 с.
13. *Орлов П. А.* История русской литературы XVIII века : учеб. для ун-тов. М. : Высш. шк., 1991. 320 с.
14. *Осетров Е. И.* Три жизни Карамзина : роман-исслед. М. : Моск. рабочий, 1989. 287 с.
15. *Пайтс Р.* Русский консерватизм и его критики. М. : Новое изд-во, 2008. 251 с.
16. *Пирожкова Т. Ф.* Н. М. Карамзин — издатель «Московского журнала» (1791—1792 гг.) : лекции. М. : Изд-во МГУ, 1978. 55 с.
17. Политология : энцикл. слов. / сост. Ю. И. Аверьянов. М. : Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. 431 с.
18. *Прилуко-Прилуцкий Н. Г.* Карамзин. Жизнь и творчество. СПб. ; Варшава : Орос, [б. г.]. 80 с. (Корифеи русского слова ; вып. 3).
19. *Пушкин А. С.* Карамзин // Полн. собр. соч. : в 10 т. Л. : Наука, 1978. Т. 8. С. 49—51.

20. *Пытин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. Изд. 4-е. СПб. : Академ. проект, 2001. 560 с.
21. *Савкина И.* Провинциалки русской литературы : (женская проза 30—40-х годов) = Frauen Literaturgeschichte : Text und Materialien zur russischen Fraunliteratur. Wilchemshorst, 1998. 223 с.
22. *Топоров В. Н.* «Бедная Лиза» Карамзина : опыт прочтения : к 200-летию со дня выхода в свет. М. : РГГУ, 1995. 512 с.
23. *Тургенев А. И.* Письма и дневник Геттингенского периода (1802—1804 гг.) и письма к А. С. Кайсарову и братьям в Геттингене 1805—1811 г. : с введением и примечаниями В. М. Истрина. СПб. : Академия наук, 1911. 527 с.
24. *Ушакин С.* Политическая теория феминизма: современные дебаты // Введение в гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетей, 2000. Ч. 1. С. 107—146.
25. *Федоров В. И.* Историческая повесть Н. М. Карамзина «Марфа-посадница» // Учен. зап. МПГИ им. В. П. Потемкина. М., 1957. Т. 67. Каф. рус. лит. Вып. 6. С. 109—120.
26. *Флоринская Ю. Ф.* О художественном методе повести Карамзина «Марфа Посадница» // XVIII век. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — нач. XIX в. Л. : Наука, 1969. Сб. 8. С. 299—308.
27. *Эйдельман Н. Я.* Последний летописец. М. : Книга, 1983. 174 с.
28. *Эйхенбаум Б. Н.* Сквозь литературу : сб. ст. Л. : Academia, 1924. 280 с.
29. Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. М. : Терра, 1991. Т. 27. С. 440—447. Репринт. воспроизведение изд. 1890 г.